

0-785098

На правах рукописи

Беригардт Тамара Викторовна

**ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ
НОВОГО ОБРАЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ.
1920-Е ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРИ)**

**Специальность 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования**

**Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук**

Екатеринбург – 2010

Работа выполнена на кафедре современной отечественной истории и историографии ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
заслуженный работник Высшей школы РФ
Корзун Валентина Павловна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Алеврас Наталья Николаевна

кандидат исторических наук
Шумкина Татьяна Геннадьевна

Ведущая организация: ФГОУ ВПО «Южный федеральный университет»

Защита состоится 24 ноября 2010 г. в 10 часов на заседании Диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (620026, г. Екатеринбург, ул. Розы Люксембург, 56).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Учреждения Российской академии наук Институт истории и археологии Уральского отделения РАН.

Автореферат разослан «22» октября 2010

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000730115

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор исторических наук

Е.Г. Неклюдов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема образа исторической науки и особенностей его трансляции отражает тенденции современной историографии с её пристальным интересом к интеллектуальной истории. В центре исследования – интеллектуальная деятельность, её условия и формы. Эти процессы стали стимулом возросшего интереса к способам и институтам производства исторического знания, его сохранения и трансляции. В поле зрения исследователей оказываются не только результаты профессиональной деятельности историка, но и вся его творческая лаборатория, исследовательская психология и практика и в целом – культура творчества историка¹.

В такой историографической ситуации в исследовательское поле интеллектуальной истории может быть включена историческая библиография, выступающая в качестве структурного компонента исторической науки и научных коммуникаций. Историческая библиография отражает специфику исторической науки, тенденции и закономерности её развития. Она выступает как хранительница интеллектуальных традиций историописания, являясь способом освоения, сохранения и трансляции интеллектуального опыта. Это позволяет использовать опыт исторической библиографии Сибири 1920-х гг. в качестве одного из элементов конструирования образа исторической науки.

Обращение к теме представляет интерес также и в общественно-культурном плане, который определяется проблемами формирования научной этики в современном научном сообществе.

Объект исследования включает в себя историческую науку Сибири как самостоятельный институт и историческую библиографию, понимаемую как область деятельности по освоению, сохранению и трансляции исторического знания и интеллектуальной культуры.

Предмет исследования – взаимодействие исторической науки и исторической библиографии Сибири в 1920-е гг.

Хронологические рамки исследования – 1919 – 1929 гг. Нижняя граница обусловлена организацией крупного научного центра в Томске – Института исследования Сибири и создания при нём библиографического бюро. Верхняя граница отнесена нами к 1929 г., времени, когда состоялась тщательно подготовленная Всесоюзная конференция историков марксистов. На конференции были подведены итоги предшествующему развитию марксистской историографической мысли. 1929 г.

¹ Репина Л.П. «Второе рождение» и новый образ интеллектуальной истории // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001. С. 189.

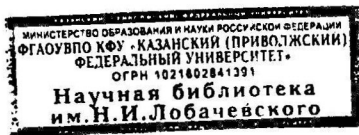
принёс с собой усиление партийно-государственного вмешательства в дела науки.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Сибири. Однако наше внимание преимущественно обращено к крупным сибирским городам – Томску и Иркутску. Функционирование в Томске и Иркутске университетов с гуманитарными факультетами (первая половина 1920-х гг.), сосредоточение в них научной интеллигенции обусловило создание в этих городах крупных библиографических центров.

Степень изученности темы. Интересующая нас тема не стала предметом специальных исследований. Тем не менее, определённые её аспекты рассматривались в историко-научной и библиографоведческой литературе, что позволяет говорить о сложившихся внутринаучных предпосылках постановки проблемы о месте исторической библиографии в конструировании образа исторической науки. Вся привлечённая литература сгруппирована в четыре блока по проблемному принципу.

В первом блоке представлены работы, касающиеся изучения процесса становления исторической науки в 1920-е гг. в России в целом и в Сибири в частности. Развитие исторической науки в 1920-е гг. – сложный и противоречивый процесс. Эта проблема имеет обширную историографию¹. Несмотря на различие методологических и идеологических подходов выводы авторов до середины 1980-х гг. сводились в ос-

¹ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917–1923 гг.). М., 1968; Историография истории СССР (эпоха социализма): учебник / Под ред. И.И. Минца. М., 1982; Очерки истории исторической науки. М., 1985. Т. V; Историческая наука в 1920-е гг.: «Круглый стол» научного совета по историографии и источниковедению // История и историки. М., 1990. С. 64–105; Балашов В.А., Юрченков В.А. Историография отечественной истории (1917 – начало 90-х гг.). Саранск, 1994. С. 8–43; Кривошеев Ю.В. Дворниченко А.Ю. Изгнание науки: Российская историография в 20-х – начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143–158; Историческая наука в советский период: обретение собственного лица // Советская историография. М., 1994. С. 7–190; Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М., 1998; Логунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции развития // Образы историографии. М., 2000; Дмитриев А. «Академический марксизм» 1920-х – 1930-х гг. и история Академии наук. Случай А.Н. Шебунина // Новое литературное обозрение. 2002. № 54(2). С. 29–60; Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20-е – 30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28–53; Очерки истории отечественной исторической науки XX века. Омск, 2005; Кузнецов И.С. История исторической науки в России с 1917 г. до наших дней. Новосибирск, 2008.

новном к констатации имевшегося с первых лет советской власти противостояния марксистской и буржуазной исторической науки. Основное внимание уделялось процессу институционального становления советской исторической науки и оформлению основных принципов её функционирования. В новейших работах обращается внимание на то, что в попытке нахождения общих смысловых основ феномена советской историографии, важно учитывать не только генезис и развитие советского государства, его идеологию, но и состояние самого научного сообщества, динамику его изучения. Для историографических работ конца 1990-х – начала 2000-х гг. характерно усиленное внимание к проблеме взаимоотношения исторической науки и власти (Ю.Н. Афанасьев и др.). В основном авторы изучают взаимоотношения историков и новой власти, хотя постепенно нарастает интерес и к внутринаучным процессам. Ценными представляются концептуальные ориентиры московских и омских историков, нашедших отражение в «Очерках истории отечественной исторической науки XX века»¹, где был сделан акцент на проблеме преемственности традиций российской исторической науки в новых условиях.

В сибирской историографии интересующего нас периода можно выделить две группы публикаций. Первая посвящена исследованию организационной и институциональной компоненты сибирской исторической науки². Внимание авторов, в основном сфокусировано на роли местных отделений Истпарта в этом процессе. Другая группа представлена проблемной историографией. Главным предметом осмысления была история Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири и создания источниковой базы по этим вопросам³. Одной из характер-

¹ Очерки истории отечественной исторической науки XX века.

² Вегман В.Д. Истпартотдел Сибкрайкома ВКП (б) // ССЭ. Новосибирск, 1931. Т. II. Стб. 402–404; Муравьева Л.В. Становление советского архивного дела и истпартов Сибири (1919–1925 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974; Шумилов А.И. Организация и деятельность Истпартов Сибири (1920–1939 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1974; Ларьков Н.С. Из истории сибирских истпартов // Руководство партийных организаций хозяйственным и культурным строительством в Сибири. Томск, 1986. С. 3–14; Шумилов А.И. Проблемы изучения деятельности историко-научных центров Сибири в 20–30-е гг. XX в. // Катанаевские чтения. Омск, 2006. С. 285–290.

³ Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974; Октябрь и гражданская война в Сибири: История, историография, источниковедение. Томск, 1985; Кожевин В.Л. Историография Советов Сибири 1917–1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1988; Первые историки Октябрьской революции и гражданской войны в Сибири:

ных черт современного этапа сибирской историографии является поворот к проблеме Белого движения.

Во втором блоке представлены работы, касающиеся теоретических аспектов библиографии как средства сохранения и трансляции исторического знания. Обращение к библиографии в историографических исследованиях не является новацией. Так, А.И. Алаторцева в своё время высказала мысль, что материалы критико-библиографических отделов периодических изданий должны не только расширить источниковую базу, но и существенно обогатить представление о проблемно-тематическом поле исторической науки¹. Роль исторической библиографии для познания истории исторической науки подчёркивала и Р.Г. Эймонтова². Другой подход сформулирован М.П. Мохначёвой. Применительно к историографии и источниковедению она выделяет такое свойство библиографической информации как отражение индивидуального и общественного сознания в значении знания, что позволяет, с точки зрения автора, рассматривать библиографические источники в качестве «источников несущих первичную науковедческую информацию»³.

К осмыслению интересующей нас проблемы обращаются и библиографы. Начиная с XIX в. в трудах В.Г. Анастасевича, В.С. Сопикова, А.М. Ловягина, Б.С. Боднарского, Н.В. Здобнова, М.К. Азадовского, Д.Д. Иванова, О.М. Зусьмана и др. подчёркивалась науковедческая, культурно-историческая, образовательная и просветительская роль

Библиогр. указ. Новосибирск, 1988; Никитин А.Н. Документальные источники по истории гражданской войны в Сибири. Томск, 1992; Он же. Источники по истории гражданской войны в Сибири и их использование в советской литературе: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1992; Щербинина Н.Г. Советские историки 20-х – первой половины 30-х гг. о взаимоотношениях интервентов и Колчака // Из истории социальной и общественно-политической жизни советской Сибири. Томск, 1992. С. 88–91; Немчинова Т.А. Белое движение в Сибири: современная российская историография: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2002; Ожиганов А.Л. Отечественная историография колчаковского режима (ноябрь 1918 – январь 1920): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003; Журавлёв В.В. Государственная власть сибирской контрреволюции (май–ноябрь 1918 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; Ерофеев Н.Д. Современная отечественная историография русской революции 1917 г. // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 92–108.

¹ Алаторцева А.И. Историческая периодика и преподавание исторической науки // Вопросы историографии в высшей школе. Смоленск, 1975. С. 236.

² Эймонтова Р.Г. Историческая библиография и преподавание истории исторической науки // Там же. С. 141–151.

³ Мохначёва М.П. Журналистика и историческая наука. М., 1998. Кн. I. С. 10–11.

библиографии. Для современного этапа развития библиографоведения характерно представление о библиографии как системе свёрнутого знания¹. Л.В. Астахова (Ласькова) определяет библиографию как инфраструктурный уровень науки, обеспечивающий познание специфическим методом². Важной для нас является и позиция М.Г. Вохрышевой, с точки зрения которой, библиография – элемент культуры, система хранения и трансляции (специальными методами) от поколения к поколению человеческих знаний и умений³. Общим для этих работ являются размышления о месте библиографии в системе науки и культуры. Формирующиеся при этом подходы открывают дополнительные возможности в осмыслении роли и места библиографии в процессе становления исторической науки Сибири в 1920-е гг.

К третьему блоку относится историография истории сибирской библиографии, которая начала складываться в начале 1920-х гг. Развитие исторической библиографии Сибири 1920-х гг. не стало объектом самостоятельного изучения. Информация, сопрягающаяся с тематикой исследования, содержится в работах историков культуры и интеллигенции⁴. Значимыми стали положения о своеобразии сибирской культуры, частью которой является историческая библиография, как собственно и наука. Всё чаще исследователи обращаются к концепту «культурное гнездо»⁵ как продуктивному способу описания провинциальной духовной культуры.

¹ Зубов Ю.С. Библиография как система свёрнутого знания // Теоретико-методологические проблемы современного советского библиографоведения. М., 1981. С. 23–40.

² Астахова (Ласькова) Л.В. Библиография как научный феномен. М., 1997.

³ Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры. Самара, 1993.; Она же. Теория библиографии.

⁴ Соскин В.Л. Переход к НЭПу и культура. 1921–1923 гг. Новосибирск, 1997; Он же. Высшее образование в советской России: первое десятилетие. Новосибирск, 1998. Ч. I. 1917–1923; 2000. Ч. II. 1923–1927; Он же. Высшее образование и наука в советской России: первое десятилетие (1917–1927 гг.). Новосибирск, 2000; Он же. Российская советская культура (1917–1927): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004; Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: История и современность. Омск, 2001.

⁵ Сизинцева Л.И. Метод Н.К. Пиксанова как орудие исследования культурной жизни городов // Историческое краеведение. Пенза, 1993. С. 253–258; Дергачёва-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс]. URL: [http://www. Zahmka.ru/03-2002/dergacheva-concent/](http://www.Zahmka.ru/03-2002/dergacheva-concent/) Заглавие с экрана. (Дата обращения 17. 04. 2009 г.); Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в

В четвёртый блок включены работы, посвящённые историографическому осмыслению истории советской цензуры, так как логика развития темы нашего исследования – изучение исторической библиографии в проблемном поле исторической науки не возможна без обращения к истории цензуры. Цензура как научная проблема до начала 1990-х гг. оставалась за пределами отечественной историографии. Мощным импульсом для её разработки послужили научные конференции, которые проходили в Санкт-Петербурге, Москве и Екатеринбурге. Выходит ряд работ, в которых политическая цензура рассматривается как историко-культурный феномен, исследованы различные стороны деятельности Главлита и его отделений на местах, представлен механизм взаимодействия государственной идеологии и культуры (А.В. Блюм, Т.М. Горяева, Г.В. Жирков, И.Е. Левченко, Л.С. Мартынова, В.Ш. Назимова, В.Г. Рыженко). Большую значимость для нас имеют работы М.В. Зеленова¹, в которых исследованы взаимоотношения аппарата ЦК РКП (б) – ВКП (б), Главлита и институтов исторической науки, показано влияние цензуры на историческую науку, структуру исторического знания, массовое историческое сознание. Для нас этот ход представляется принципиальным. Интерес в этом плане представляют и попытки омского исследователя В.Г. Рыженко² посмотреть на контроль над содержанием исторического знания через воздействие на представителей сибирской исторической науки. Однако, в исследуемом проблемном поле есть аспект не получивший своего освещения – влияние политики в области цензуры на историческую библиографию.

С точки зрения рассматриваемой проблемы, среди выделяемых в библиографоведении функций библиографии интерес представляют идеологическая (В.А. Фокеев), заградительная (И.Г. Моргенштерн) и цензурная (Л.М. Равич, Б.А. Семеновкер).

Цель исследования – рассмотреть роль и место исторической библиографии в процессе становления исторической науки в 1920-е гг. в Сибири.

1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии и методов исследования. Екатеринбург, Омск, 2003. С. 135–143.

¹ Зеленов М.В. Главлит и историческая наука в 20–30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21–36; Он же. Спецхран и историческая наука в советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–141; Он же. Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920-е гг. Н.Новгород, 2000.

² Рыженко В.Г. «Просмотрено – исключить...» (О переходе к идеологическому настулнению на историков в провинции в начале 1930-х гг.) // Мир историка. Омск, 2006. Вып. 2. С. 179–198.

Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи:

- выявить основные факторы, влиявшие на формирование нового образа исторической науки и исторической библиографии в Сибири;
- представить процесс формирования институтов исторической науки и исторической библиографии в Сибири;
- определить основные направления создания библиографической информации по истории в Сибири, вклад в эту работу профессиональных историков;
- определить функциональную роль исторической библиографии Сибири в сохранении исследовательской традиции историописания;
- выявить транслируемые новые ценностные ориентиры в процессе формирования нового образа исторической науки.

Источники, использованные в настоящем исследовании, включают историографические источники и исторические источники. Подчёркнём условность такого подразделения – исторический источник, включённый в контекст историографического анализа, получает статус «историографического».

Историографические источники представлены следующими видами:

– библиографические пособия и библиографическая информация на страницах журналов. Основными источниками выявления библиографических пособий стали библиографические указатели «История СССР» (М., 1966) и «Указатель библиографических пособий по Сибири и Дальнему Востоку (XIX в. – 1968 г.)» (Новосибирск, 1975). В результате проведённого изучения нами было выявлено 101 библиографическое пособие в целом или частично по содержанию относящихся к истории Сибири. Для непосредственного анализа были отобраны указатели, изданные на территории Сибири в 1920-е гг. В анализируемую группу также включены библиографические пособия, изданные за пределами Сибири, но работа по их подготовке была вызвана внутренними потребностями региона. Эта группа источников раскрывает внутреннюю логику библиографического процесса, позволяет прояснить связи исторической библиографии с социокультурной средой, с развитием исторической науки, даёт возможность выяснить степень сохранения исследовательских традиций в условиях искусственно инициированного разрыва.

– рецензии. Для решения задач исследования были использованы рецензии, опубликованные в журналах «Сибирские огни» и «Северная

Азия»¹. Рецензии позволяют объёмно, ярко представить себе атмосферу, царящую в научном сообществе, от имени которого выступает рецензент. Они опосредованно дают возможность в совокупности с другими источниками реконструировать процесс постепенного складывания новой марксистской парадигмы.

В исследовании использован комплекс исторических источников, отложившихся в фондах двух центральных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); пяти областных архивов: Государственного архива Новосибирской области (ГАО), Центра документации новейшей истории Новосибирской области (ЦДНИ НО), Государственного архива Омской области (ГАОО), Центра документации новейшей истории Омской области (ЦДНИ ОО), Государственного архива Томской области (ГАО).

Исторические источники представлены следующими видами:

– законодательные и нормативные акты, регламентирующие деятельность в области историко-партийной науки, печати и библиографии, тексты которых были опубликованы в отдельных сборниках².

– делопроизводственная документация: протоколы заседаний программно-библиографического отдела Главполитпросвета, подотделов и комиссий отдела внешкольного образования НКПроса, библиографической комиссии Государственного издательства (ГИЗ), отдела печати ЦК РКП (б) – ВКП (б), издательской комиссии Общества изучения Сибири и её производительных сил (ОИС), исторической подсекции ОИС, библиографической и библиотечной комиссий Института исследования Сибири (ИИС), Совета Института исследования Сибири; отчёты о деятельности библиографического бюро ИИС и Томского университета, о научно-исследовательской работе преподавателей Том-

¹ Выявление рецензий осуществлялось двумя путями. Изучался библиографический указатель *Сибирские огни: литературно-художественный и общественно-политический журнал. Указатель содержания. 1922–1964*. Новосибирск, 1967. 427 с.; К журналу «Северная Азия», в связи с отсутствием кумулятивного указателя содержания был применён метод фронтального просмотра.

² О культурном строительстве: сб. документов. М., 1930; О партийной и советской печати: сб. документов. М., 1954; История библиотечного дела в СССР: Документы и материалы. Ноябрь 1920–1929. М., 1979; «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы. М., 1997; Библиотечное дело в России (окт. 1929–май 1941): Документы и материалы. М., 2000. Ч. I; 2007. Ч. II; Полный перечень документов прямо или косвенно касающихся развития историко-партийной науки опубликован в монографии Зеленова М.В. *Аппарат ЦК РКП (б) – ВКП (б), цензура и историческая наука в 1920–е гг.* Н. Новгород, 2000. С. 460–538.

ского университета по историческому изучению Сибири; официальная переписка Совета ИИС, ректора Томского университета. Данная группа документов послужила источником ценных сведений для осмысления процесса институционального становления советской библиографии, в том числе в области историописания, его региональной специфики.

При рассмотрении исторической библиографии как канала цензуры в исторической науке были использованы документы библиографической комиссии Государственного издательства, циркуляры и протоколы заседаний библиотечного отдела Главполитпросвета. Источниками для исследования хода выполнения цензурных постановлений центра в Сибири послужили протоколы заседаний Объединения заведующих библиотеками Омска, Инструкции по пересмотру состава книжных фондов библиотек, протоколы заседаний комиссий по пересмотру книжного состава библиотек, материалы Омского отделения Главлита, списки литературы, предназначенные к исключению из фондов библиотек и книжного рынка.

– периодическая печать. Были использованы материалы центральных журналов «Библиографические известия», «Книгоноша», «Красный библиотекарь», «Печать и революция», «Наука и её работники», «Северная Азия», «Историк-марксист», «Каторга и ссылка», а также журналов «Сибирские огни», «Просвещение Сибири», «Книжная полка», выходящих в Новосибирске, «Сибирская живая старина», «Известия ВСОРГО», издающихся в Иркутске и газеты «Рабочий путь» (Омск). Этот вид источников содержит информацию, отражающую сложный и противоречивый процесс формирования советской библиографии, в том числе в области историописания.

– источники личного происхождения. К источникам межличностной коммуникации отнесены письма М.М. Басова, В.Д. Вегмана, Н.В. Здобнова, С.И. Канатчикова, В.П. Косованова. Письма раскрывают ценностные ориентиры, индивидуальные качества корреспондентов, помогают полнее представить атмосферу сотрудничества, социально-психологическое восприятие отдельных этапов работы над библиографическими пособиями.

Методология и методы. Исследование носит междисциплинарный характер и выполнено на стыке историографии, исторической библиографии, социальной истории и культурологи. В выборе подходов приоритет был отдан историко-антропологическому, в центре исследовательской рефлексии которого находится творческая лаборатория учёного, анализ личности его психология, логика мышления.

Культурологическая концепция библиографии, сформулированная М.Г. Вохрышевой¹, вписывается в антропологическую направленность исторических исследований. В основу этого подхода положено представление о библиографии как специфической области человеческой деятельности в единстве её практической и познавательной сфер, со своими социальными институтами и системой организованного знания. Признание модуса библиографии как одного из важнейших способов отражения, хранения и трансляции исследовательской культуры от поколения к поколению, представляется конструктивным для нашего исследования.

В выборе методологических подходов мы также опираемся на разработки в области социологии науки. Поле науки П. Бурдьё рассматривает как систему объективных отношений, которые складываются между агентами научного сообщества. В связи с этим заслуживает изучения процесс официального структурирования поля исторической науки и, как следствие этого, сужение функционального поля исторической библиографии. Важным является положение о том, что к стратегиям сохранения установленного порядка П. Бурдьё относит инструменты распространения (научные коммуникации), которые путём селекции, осуществляемой в соответствии с господствующими критериями, обеспечивают признание продукции, отвечающей принципам официальной науки. Данное положение позволяет нам представить историческую библиографию в качестве одного из механизмов контроля исследовательского поля исторической науки.

Библиография всеми своими гранями включена в текстовую деятельность. Поэтому использован и герменевтический метод, который в библиографических исследованиях связан с анализом и интерпретацией, как единичных библиографических текстов, так и библиографических пособий как систем.

Институциональный подход позволил вычленить организационные формы исторической науки и исторической библиографии, изучить библиографию как институт трансляции исторического знания, имеющий свою структуру, функции и закономерности развития. С помощью историко-генетического метода рассматривается процесс формирования и развития советской исторической науки и исторической библиографии в развитии.

Опорными категориями диссертационного исследования являются категории «образ науки» и «историческая библиография».

¹ Вохрышева М.Г. Библиография в системе культуры. Самара, 1993.

Структура образа науки в представлении современных исследователей включает в себя: 1) целостное представление о научном знании, своего рода модель науки; 2) представление о науке как социальном институте; 3) совокупность представлений о закономерностях научного знания и генезисе науки как таковой; 4) представление об идеале научного знания и базовых ценностях научного сообщества¹. Образ формируется и функционирует в определённых социокультурных условиях. Черты образа науки формулируются и транслируются, в том числе и с помощью исторической библиографии как одного из компонентов исторической науки и научных коммуникаций.

Что касается исторической библиографии, то, учитывая теоретические построения, разрабатываемые в современном библиографоведении, предлагается следующее определение: историческая библиография – область информационной деятельности по упорядочению массивов и потоков исторической информации и обеспечению доступа к ним; средство познания и исследования тенденций развития исторической науки. Такой подход позволяет рассматривать библиографические явления в связи с социокультурным контекстом исторической эпохи, включать в поле исследования личность автора библиографических пособий, его интеллектуальную культуру и систему ценностей.

Научная новизна. Впервые на фактическом материале по истории Сибири показано место исторической библиографии в конструировании образа советской исторической науки. Историческая библиография рассмотрена как канал сохранения интеллектуальной традиции историописания и как канал цензуры. Показаны возможности исторической библиографии в трансляции исторического знания. Зафиксированы качественные изменения функций и характера библиографической информации по истории, её роли как института социальных и научных коммуникаций в период крутой социальной ломки и перестройки исторической науки в целом.

Практическое значение. Положения и выводы диссертации могут быть использованы для подготовки лекционных курсов и спецкурсов по отечественной историографии, истории культуры, истории издательского дела и истории библиографии.

¹ Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX – XX вв. (анализ отечественных историографических концепций): Монография. Омск; Екатеринбург, 2000. С. 5–7; Кузнецов Б.С. Образ науки и эвристическая функция философии // Методология науки. Новосибирск. С. 138.

Научная апробация. Основные положения диссертации были изложены в докладах на международных конференциях (Омск, 2007, 2010), восьми всероссийских конференциях (Москва, 2002; Омск, 2002, 2003, 2006, 2008, 2009; Челябинск, 2006; Тюмень, 2007), межрегиональной конференции (Омск, 2006) и 13 публикациях общим объёмом 5,49 п.л.

Структура работы определяется задачами диссертационного исследования. Она состоит из введения, двух глав, разделённых на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы, обозначаются объект и предмет исследования, определяются его хронологические и территориальные рамки, дан историографический обзор литературы, формулируются цель и задачи исследования, характеризуется источниковая база, методологические принципы исследования, указываются научная новизна и практическая значимость исследования.

В первой главе «Историческая библиография и историческая наука: возможности взаимодействия в процессе становления нового образа науки в 1920-е гг. в Сибири» рассмотрены основные факторы, влиявшие на формирование нового образа исторической науки и исторической библиографии в Сибири. Показана функциональная роль исторической библиографии как своеобразной формы трансляции исторического знания и интеллектуальных традиций в исторической науке.

Первый параграф «Основные тенденции развития исторической науки и исторической библиографии в 1920-е гг. в Сибири» носит реферативный характер. При этом используется не только провинциальный материал, но и общероссийский.

Исторической науке 1920-х гг. присущи, по крайней мере, две основные тенденции. Во-первых, осознание тесной связи современной политической борьбы с гносеологической ситуацией. Во-вторых, огромная значимость просветительской компоненты. Гуманитарное пространство Сибири было интеллектуально разрежено. Вузы (Томский и Иркутский университеты), научные общества и организации концентрировались в трёх культурно-образовательных центрах региона (Иркутск, Омск, Томск), что отражало картину предшествующего этапа развития науки. Это были своеобразные «точки роста», вокруг которых происходило созидание общесибирского интеллектуального пространства. Со второй половины 1920-х гг., в условиях концентрации специалистов различных областей знания, возникают первые научные органи-

зации (ОИС) в краевом центре – Новосибирске. Происходят изменения в способах организации историко-научного сообщества, предпринимаются меры по созданию нового образа историка в рамках учебных заведений, организуются факультеты общественных наук (ФОНы). В первой половине 1920-х гг. в Сибири была сформирована довольно стройная система партийного образования. Одним из проявлений противоречивости процессов, происходящих в исторической науке, было параллельное существование ФОНов и историко-филологических факультетов. Функцию по сохранению и трансляции исторического знания, связанного с вопросами революционного движения в Сибири, каторги и ссылки, выполняли местные отделения Истпарта, Общества политкаторжан и ссыльно-переселенцев. Их деятельность была направлена на формирование источниковой, архивной и музейной базы.

Значимой характеристикой исторической науки этого периода являлся взлёт массового краеведения, которое отечественные исследователи рассматривают как своеобразную форму региональной историографии. Вопросы, поднятые на общесибирских форумах (съезд по организации ИИС – 1919 г., Первый Восточно-Сибирский съезд – 1926 г., Первый Сибирский научно-исследовательский съезд – 1926 г.), наглядно показывают, что в мире профессиональных ценностей историков старшего поколения значительное место занимали локальные исследования (история коренных народов Сибири, история колонизации и народного просвещения Сибири и др.). Со второй половины 1920-х гг. в сибиреведении наметился поворот в сторону новой проблематики: истории революционного движения Сибири, что свидетельствует о тенденциях, характерных для общероссийской исторической науки.

Важным звеном трансляции накопленных знаний была историческая библиография, которая в послереволюционное время первоначально развивалась в направлениях, заданных предшествующим периодом. Прежде всего, это было информационное сопровождение научных исследований. В структуре ИИС, Томского университета, Музея Приенисейского края создаются библиографические бюро. Библиографическими разысканиями занимаются Восточносибирский отдел Русского географического общества (ВСОРГО), Западносибирский отдел Русского географического общества (ЗСОРГО), музей Тобольского севера, Томский краеведческий музей, краеведческие общества, юбилейные комиссии. Сбор, учёт и регистрацию местной печати ведёт Сибирская книжная палата. Однако это противоречило складывающейся конъюнктуре в новом научном поле. Прагматизм и утилитаризм действий «новой» власти проявился в постепенной перестройке всей библиографической ра-

боты. Акцент делался на классовую направленность и вспомогательную роль библиографии. Эти тенденции рельефно проявились в проблемном поле изучения истории Сибири.

Во втором параграфе «Историческая библиография как хранительница интеллектуальной культуры» показано, что в библиографических пособиях по истории отражены не только результаты интеллектуальной деятельности историков, но и их исследовательская культура. Сущностной особенностью изучаемого периода было то, что библиографы были, как правило, организационно связаны с научными обществами и учреждениями, занимающимися историческим изучением сибирского края. Кроме того, и история, и библиография произрастали от одних корней – большая часть авторов библиографических пособий были профессиональными историками или филологами, получившими образование в дореволюционный период. В библиографических пособиях, предназначенных для специалистов, очевидны подходы, свойственные предшествующей исследовательской традиции. Прежде всего, максимально полное отражение в указателях материалов по определённой теме, в том числе архивных документов. Эти особенности отчётливо проявились в пособии, подготовленном М.К. Азадовским и М.А. Слободским¹. В указателях литературы по истории Октябрьской революции и гражданской войны² отражалась литература русского зарубежья как переводная, так и на иностранных языках. С помощью вспомогательных указателей к библиографическим пособиям авторы решали задачу создания многогранной дифференцированной системы, облегчающей работу исследователей. Так вспомогательные «Указатели авторов», так же как и сведения, приводимые в заголовке библиографических описаний, дают представление о степени вовлечённости в наукотворчество представителей различных социальных страт – членов научного сообщества и любителей. Изучение предметных вспомогательных указателей, указателей смежных дисциплин в совокупности с изучением схем классификации материала в библиографических пособиях может служить дополнительным информационным каналом для изучения структуры предметного поля науки.

Информация, заложенная в библиографических пособиях, объективно может ориентировать исследователей на реконструкцию органи-

¹ Азадовский М.К., Слободской М.А. Декабристы в Сибири // Сибирь и декабристы: Статьи, материалы, неизданные письма, библиография. Иркутск, 1925. С. 166–182.

² Турунов А.Н., Вегман В.Д. Революция и гражданская война в Сибири. Новосибирск, 1928. 140 [X] с.

зационной стороны науки. Так, в библиографических описаниях приведены данные об учреждениях и организациях, под руководством которых проходила работа по подготовке и изданию книг, сборников документов (Сибистпарт, Комиссия при Сибкрайисполкоме по организации празднования 20-летия революции 1905 г.).

Свёртывание текста является одним из специфических свойств библиографии. Это связано с её способностью выступать в качестве модели публикации. Результатом свёртывания явились не только библиографические описания, но и аннотации, для которых характерна информационная насыщенность. В аннотации включены сведения о содержательной стороне публикаций, документированные ссылки на источники, использованные при написании работы, сведения об иллюстрациях, фотографиях, рецензиях, переизданиях. В отдельных случаях указывается на режим использования книги, брошюры.

Изучение библиографических пособий, подготовленных в первое послереволюционное десятилетие, в которых сохранены методы библиографирования, свойственные дореволюционной исследовательской культуре, позволяют утверждать, что авторы рассматривали библиографическую деятельность как одну из форм организации научной мысли и исследования. В то же время складывающаяся система «новых» культурных традиций извне влияла как на тематику создаваемых библиографических пособий, так и на формирование методики их подготовки. Наглядный пример – полемика А.Н. Турунова и В.Д. Вегмана о степени включения литературы русского зарубежья в указатель «Революция и гражданская война в Сибири». Этот сюжет демонстрирует противоречивость самих поисков и представлений о потребностях исторической науки в 1920-е гг.

В третьем параграфе «Критико-библиографические материалы на страницах сибирских периодических изданий как форма трансляции исторического знания» рассмотрены критико-библиографические материалы не только как специфический канал передачи научной информации, но и как своеобразная форма исторического знания. В плане методики анализа принципиальным явились сложившиеся на сегодняшний день представления о задачах и функциях библиографической информации в периодических изданиях. В отделах критики и библиографии журналов «Сибирские огни» и «Северная Азия» были представлены разнообразные жанры библиографической информации: обзоры литературы, аннотации, списки новых книг, рецензии и отзывы. Наибольшее распространение на страницах изученных журналов получили рецензии и отзывы. К работе в отделах критики и библиографии редакции привлека-

ли авторитетных авторов. Сотрудниками журнала «Сибирские огни» являлись проф. М.К. Азадовский, проф. В.И. Анучин, проф. В.И. Огородников, М.М. Басов, Н.В. Здобнов, П.К. Казаринов и др. С журналом «Северная Азия» сотрудничали проф. М.К. Азадовский, проф. Б. Адлер, Н.В. Здобнов, А.Н. Турунов, Н.М. Ченцов и др.

Тематическая структура рецензируемых публикаций позволяет представить историческую проблематику, разрабатываемую в 1920-е гг. Так, в журнале «Сибирские огни» было выявлено 685 рецензий и отзывов, из них 252 на исторические темы, что составляет 36,79 % от общего числа. Что касается проблематики, то почти 29 % публикаций посвящено истории Октябрьской революции, гражданской войны и революционного подполья. Наиболее рецензируемыми темами являлись – социально-экономическая и политическая история в феодальную эпоху, аграрное развитие России конца XIX – начала XX в. (по 11,11 %), движение декабристов (5,95 %), каторга и ссылка (4,76 %), революция 1905 г. (3,17 %). Историками-марксистами поднимался новый исследовательский пласт, которому дореволюционная наука уделяла мало внимания. Изучение авторской структуры прорецензированных работ, посвящённых социально-экономической истории, показало, что эти исследования связаны с именами историков-немарксистов, таких как С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.С. Манассеин, В.И. Огородников и др. В качестве рецензентов выступили проф. Н. Козьмин, проф. Б.Э. Петри и др. Характерной особенностью рецензий и отзывов, посвящённых данной проблематике, является обилие внутритекстовой библиографической информации, что значительно расширяет коммуникационные возможности рецензий.

Одной из узловых проблем новой исторической науки являлось движение декабристов. В 1925 г. отмечалось столетие восстания. Осмысление литературы, вышедшей в период юбилейных торжеств, в полной мере получило отражение в отзывах и рецензиях на страницах журналов. Критико-библиографические материалы дают возможность понять достигнутый исследовательский уровень и тем самым, позволяют уяснить то новое, что появилось в отечественной и, прежде всего, марксистской литературе по проблеме декабризма. В частности, популяризировались критерии оценки движения, предлагаемые М.Н. Покровским, в основе которых лежала жёсткая связь между социально-экономическими и политическими процессами. В рецензиях отчётливо видно стремление найти в прошлом предпосылки, прямых предшественников «нового» режима, которые бы олицетворяли социальную борьбу и революцию. Декабристы превращались в носителей мораль-

ных и психологических качеств (ригоризм, стойкость и непреклонность во взглядах и убеждениях, готовность пострадать во имя «общего блага»), которые должны были закрепиться в сознании читателей. Эти исторические персонажи служили целям распространения определённых политико-идеологических и социальных идей. Что касается темы революции и гражданской войны, то в процессе построения концепции революции историки-марксисты обращались и к литературе противников большевизма, в частности к эмигрантской литературе, где была представлена весьма пёстрая гамма мнений. Для начального периода (1919–1923 гг.) изучения данной темы характерно то, что в процесс рецензирования вовлекались воспоминания и сборники документов, изданные за границей (Париж, Пекин, Прага, Карлин, Мюнхен, Нью-Йорк, Харбин) и в России (Общество политкаторжан и ссыльно-переселенцев). Свою точку зрения высказывали представители различных политических партий. Их суждения имели особую ценность, поскольку они принадлежали активным участникам событий и помогали восстановить конфликт эпохи. Большая часть этих работ была прорецензирована известным партийным деятелем и историком В.Д. Вегманом. В данных им характеристиках часто видна не столько научная аргументация высказанных положений, сколько решение идеологических задач.

Во второй главе «Влияние политики в области цензуры на историческую библиографию Сибири» анализируется роль и место исторической библиографии в формирующейся системе ограничения/запрещения распространения исторической информации. Историческая библиография рассматривается в качестве канала цензуры, связанного с содержательной стороной исторической науки.

В первом параграфе «Институты цензуры и их влияние на организацию библиографической деятельности. Региональная структура цензурных органов» представлена система учреждений и организаций, осуществляющих цензурные функции. На начальном этапе (1917 – середина 1922 г.) цензуру исторической информации, в том числе с помощью библиографических средств (списки литературы, подлежащей изъятию, каталоги и рекомендательные списки для комплектования библиотек, рекомендательные списки книг к проведению различных компаний) осуществляли органы, сосредоточенные в рамках отделов народного образования. Институционально это были библиотечные и библиографические секции подотделов внешкольного образования, библиотечные и библиографические секции губернских политико-просветительных комитетов, сибирский и губернские библиотечные коллекторы. При губернских отделах агитации и пропаганды работал

библиотечный подотдел, в функции которого входил контроль над изъятием и допустимостью распространения литературы. Библиотечные советы и Объединения заведующих библиотеками направляли деятельность библиотек по изъятию запрещённых книг, в том числе с помощью специально создаваемых комиссий.

Общие институциональные изменения, произошедшие в цензурной политике с середины 1922 г. проецировались и на региональный уровень. На местах создавались отделения Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита), осуществляющих предварительную и последующую цензуру. Надзором за книжным рынком занимались и ГПУ – ОГПУ. При последующем контроле достаточно часто учёт изъятых книг производился даже не в экземплярах, а в пудах, что достаточно красноречиво говорит о масштабах работы. Цензурные органы в своей работе были тесно связаны с правящей партией, однако, чтобы не компрометировать её в лице партийных органов на местах, их решениям придавался вид действий отделов народного образования. Основным критерием общим для всех структурных единиц разветвлённой цензурной системы была идея «ограничения текста» с точки зрения классового подхода.

Во втором параграфе «Ограничение доступа к исторической информации. Библиотечные чистки – форма контроля над интеллектуальным пространством» показано, что роль исторической библиографии выходила за рамки посреднической миссии. Ограничительно-запретительная функция исторической библиографии ярко проявилась в ходе чисток библиотечных фондов. Списки литературы, подлежащей изъятию из библиотек и книжных рынков, не рекомендованных для приобретения в библиотеки иногда глухие, иногда с объяснением, за что книга или периодическое издание подвергалось гонению, были одной из форм влияния на историческое сознание. В списках часто не указывался год издания. Необходимо было изъять конкретные книги определённого автора или издательства, вне зависимости от года издания, т. к. многие исторические работы, вышедшие до революции, особенно учебная и популярная литература, многократно переиздавалась (в том числе и после 1917 г.).

Первые чистки библиотечных фондов проходили стихийно, не было чётких инструкций со списками литературы на изъятие. На местах, как это случилось в Омске, Объединением заведующих библиотеками была создана специальная комиссия и подготовлена «Инструкция по изъятию книг религиозного и вообще неприемлемого характера». Остро стояла проблема изъятия дореволюционных периодических из-

даний, славянофильской литературы, изданий партии социалистов-революционеров, части марксистской литературы. Инициатором последующих чисток выступал Внешкольный подотдел Наркомпроса. По инструкции 1920 г., изъятию подлежала вся литература агитационного характера, изданная в годы революции 1917 г. и гражданской войны, книги монархического (к которым были отнесены и исторические) и духовно-нравственного содержания. Согласно сохранившимся документам работа в этот период велась недостаточно активно. В 1921–1922 гг. совместный документ о чистке библиотек был принят Политсекретариатом милиции и Политуправлением Реввоенсоветом республики.

С 1923 г. начался новый, более жёсткий этап чисток, связанный с идеологической борьбой в период НЭПа. Инструкция «О пересмотре книжного состава библиотек и изъятию контрреволюционной и антихудожественной литературы», подготовленная Главполитпросветом, получила поддержку агитационно-пропагандистского отдела ЦК РКП (б). В губерниях и уездах Сибири создавались специальные комиссии по изъятию, подготавливались собственные инструкции (Омск, Томск). Анализ сохранившихся списков изъятых книг и протоколов заседаний комиссий по изъятию (Омск, Новосибирск, Томск) позволяет утверждать, что прежние, дореволюционные трактовки истории России рассматривались как препятствие на пути к построению «светлого будущего». В практике историописания изучаемого периода, благодаря воздействию идеологических установок, появляются новые герои и новые образы, поэтому популярные книги, посвящённые А. Невскому, В. Мономаху, Ивану Грозному и др., в большом количестве издававшиеся до революции были изъятые. Особенно тщательно вычищались фонды школьных библиотек, т. к. учебная литература, являясь одним из важнейших трансляторов научных идей, влияла на формирование исторического сознания. Неприемлемыми для советской школы оказались не только учебники Н.П. Устрялова, П. Овсянникова, Д.И. Иловайского, А.В. Илпатьевского, но и фундаментальные исторические труды корифеев отечественной историографии. Изъятые были книги С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, Н.М. Карамзина, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.Е. Преснякова и др. Из библиотек изымались не только книги, но и библиографические указатели по истории. Изъятые книги не просто передавались в архивы (спецфонды) библиотек. Часть из них (конец 1925 – начало 1926 г.) была направлена в Архив Октябрьской революции. Например, из Омска было отправлено туда в общей сложности 1238 названий книг, брошюр, журналов и газет.

Инструкции и письма по пересмотру книжного состава библиотек с приложением списков литературы подготавливались и в последующие годы (1926, 1929, 1930). Кроме того, Главлитом в регионы рассылались дополнительные «Списки книг, подлежащих конфискации». Однако списки изъятых книг в архивных фондах найдены не были, поэтому судить о содержательной стороне последующих массовых чисток можно лишь на основании нормативных документов. Так, в постановлении ЦК ВКП (б) «Об улучшении библиотечной работы» (1929 г.) рекомендовалось изъять литературу, отражающую «взгляды оппозиционных течений в партии». Изъятия литературы, начавшиеся после прихода к власти большевиков, имели далеко идущие последствия. В связи с тем, что исторический процесс стал рассматриваться сквозь призму классовой борьбы, сужалась проблемно-тематическая структура исторического знания, что в свою очередь оказывало влияние на формирование массового исторического сознания.

В третьем параграфе «Библиографическая информация на страницах периодических изданий как фактор формирования массового исторического сознания» показано, что информационное поле, создаваемое на страницах периодических изданий с помощью библиографических средств потенциально могло повлиять на изменение массового исторического сознания. В 1920-е гг. критико-библиографические материалы были представлены как специальными библиографическими журналами, так и в отделах «Критика и библиография» в журналах и газетах. Библиографические материалы оперативно откликались на актуальные события, используя приёмы коммуникативности с целью воздействия на формирование читательских интересов и определённых ценностных ориентаций. В основу оценки или рекомендации работы выдвигался критерий «идеологического качества» текста, его политическая значимость. Так, борьба с буржуазной исторической наукой, для которой, с точки зрения рецензентов, были характерны шовинизм и великодержавность, ярко проявилась в рецензии на книгу С.В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», опубликованной в журнале «Сибирские огни».

В 1920-е гг. меняется язык науки. Эти изменения нашли своё отражение в языке рецензий и отзывов, названиях обзоров и списков литературы, библиографических разделов и рубрик. Он (язык) являлся не только средством отражения и коммуникации, но и одним из факторов, детерминирующих историческое сознание. Весьма показательной на этот счёт оказалась тема Октябрьской революции и гражданской войны. Навязывание авторской (рецензента) точки зрения путём соответ-

вующей оценки факта, явления или события происходило с помощью различных приёмов. Широко использовались метафоры (образы стихии, хищников), обобщения («пролетариат» и «контрреволюционеры»), сравнения и противопоставления («беспочвенные нытики», «истые революционеры»). В текстах рецензий и отзывов, названиях работ прослеживается героизация и мифологизация образов большевиков. Используемые с этой целью языковые средства маркированы эмоционально-экспрессивными признаками («сказочно-героический», «изумительная доблесть», «Красная Голгофа»). В массовое сознание внедрялась идея о неизбежности Октябрьской революции и перерастании её в мировую, насаждалось недоверие к другим политическим силам в изображении событий Октябрьской революции и гражданской войны. Библиографическая информация оказалась интегрированной в процесс создания образа советской исторической науки, для которой характерны такие черты как классовый подход, принцип партийности, материалистическая основа, прагматизм и утилитаризм.

В Заключении изложены основные выводы исследования.

Основными способами взаимоотношения исторической науки и власти стали директивность и партийно-государственный контроль. Происходят изменения в способах организации историко-научного сообщества, как в центре, так и на местах. Создаются новые институты исторической науки. В то же время сохраняются старые. Историческая библиография была тесно вплетена в ткань исторической науки. Она отражала происходящие в ней процессы, связанные с преемственностью/сохранением традиций и с их разрывом/трансформацией. Историческая библиография первого послереволюционного десятилетия выполняла двойную социальную функцию – историко-культурную и научно-вспомогательную. Следование традициям выразилось и в подходах к созданию библиографических пособий. Составителями указателей литературы были специалисты историки и филологи. Среди них: А.В. Адрианов, М.К. Азадовский, Н.Н. Бакай, В.Д. Вегман, Н.Н. Козьмин, В.П. Косованов, Б.Г. Кубалов, В.С. Манассеин, А.Н. Турунов, П.П. Хороших, Н.М. Ченцов. Как знатокам научного исторического процесса им были видны существующие лакуны, связанные с историческим изучением края. Логика научного поиска, ассоциативность, широта и непредсказуемость выхода в смежные области знания, аналитичность – эти особенности информационного поиска и отбора литературы выпукло проявились в подготовленных указателях литературы. В частности, в принципах отбора литературы, в методике подготовки вспомогательных указателей зафиксировано проявление сложившейся в Рос-

сии в последней четверти XIX – начале XX в. историографической ситуации, получившей своё выражение во взаимовлиянии естественных и гуманитарных наук, в основе которого лежали принципы позитивизма. Авторы включали в свои библиографические пособия литературу из смежных истории областей знания (антропология, лингвистика, статистика, экономика, этика, физическая география). Сибиреведы подходили к созданию указателей литературы с учётом исследовательских интересов учёных, занимающихся изучением конкретной проблемы.

Анализ бытования исторической библиографии в Сибири, свидетельствует о том, что её эволюция диктовалась не только постановкой перед исторической наукой задач, связанных с разработкой новой проблематики, но и личными (профессиональными) интересами авторов. Библиографические центры Сибири, по большей части носили «персонифицированный» характер. Это нашло отражение в деятельности библиографических бюро ИИС, Томского университета, Музея Приенисейского края, библиотеки Иркутского университета, ВСОРГО. В рамках научной деятельности сибиреведов происходило обращение к библиографии как неотъемлемой части работы учёного-исследователя.

Несмотря на определённую автономность, развитие исторической науки и исторической библиографии шло в русле социальных процессов, происходящих в обществе. В исторической библиографии прочитывается не только преемственность интеллектуальных традиций, но и изменения, происходящие в предметном поле исторической науки. Анализ тематики указателей литературы, их внутренней структуры, предметных рубрик, выделенных авторами, дал возможность судить о появлении новых тем и дефиниций в изучении истории Сибири. Приоритеты отдаются проблематике связанной с историей декабризма, революции 1905–1907 гг., Октябрьской революции и гражданской войны. Сравнительный анализ продуктивности разработки этих тем с изучением хронологической глубины материалов, отражённых в библиографических пособиях (год первой и последней публикации) позволил сделать вывод о высокой степени интенсивности их изучения в период подготовки к юбилеям. Изучение текстов рецензий и отзывов дало возможность сделать вывод о возможности использования их в качестве источников получения информации о структуре предметного поля исторической науки, его изменении на протяжении 1920-х гг., авторах, занимающихся изучением той или иной темы, сведений о применяемых методах исторических исследований, источниковой базе, степени востребованности той или иной работы (сведения о переизданиях), фактографических сведений.

Историческая библиография выступала и в качестве способа ограничения распространения исторической информации. Государственная идеология как важнейшая составная часть политической системы объективизировалась как в проблемном поле исторической науки, так и в исторической библиографии. Всё это выразилось в модификации назначения исторической библиографии, её роли как института трансляции. Она начинает проявлять себя как канал цензуры. Объектом цензуры, в том числе с помощью библиографических средств, служило историческое знание и формы его распространения. Концепции дореволюционных авторов постепенно становились малодоступными. Историческое знание меняло свою структуру, что потенциально могло привести к искажению массового исторического сознания.

ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях (в соответствии с перечнем ВАК)

1. Критико-библиографические материалы на страницах журнала «Сибирские огни» как форма трансляции исторического знания (1922–1929 гг.) // Омский научный вестник. 2007. № 1. С. 21–24 (0,5 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций

1. Историческая библиография в структуре провинциальной исторической науки 1920-х гг. (По материалам Сибири) // Вестник Омского университета. 2001. № 4. С. 60–67 (1,3 п.л.).

2. Историческая библиография и советская цензура // Историк на пути к открытому обществу: материалы Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 2002. С. 71–74 (0,35 п.л.).

3. Историческая библиография как хранительница интеллектуально культуры // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: материалы XXIV науч. конф. М.: Изд-во РГГУ, 2002. С. 121–123 (0,25 п.л.).

4. Из истории создания указателя «Революция и гражданская война в Сибири»: по материалам одной переписки // Культура и интеллигенция России между рубежами веков: Метаморфозы творчества. Интеллектуальные ландшафты (к. XIX – н. XX в.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 55–58 (0,31 п.л.).

5. Чистки книжных фондов как форма контроля над информационным пространством сибирской провинции (1918–1922 гг.) // Вестник Омского университета. 2004. № 3. С. 153–155 (0,42 п.л.).

6. Библиографическое бюро Института исследования Сибири: к вопросу об истории создания и функционирования // История и культу-

ра городов России от традиции к модернизации: материалы Всерос. науч. конгресса. Омск: Наука, 2006. С. 216–218 (0,33 п.л.).

7. Библиографическая информация на страницах периодических изданий как фактор формирования массового исторического сознания (1920-е гг.) // Книга и мировая культура: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Омск: Вариант, 2006. С. 67–76 (0,67 п.л.).

8. Библиотечные чистки как форма ограничения доступа к историческим источникам (середина 1920-х гг.) // Молодёжь в культуре и науке XXI в.: материалы V Всерос. науч. конф. Челябинск: Изд-во ЧГАКИ, 2006. Ч. II. С. 205–208 (0,38 п.л.).

9. Роль критико-библиографических материалов на страницах журнала «Сибирские огни» в формировании массового исторического сознания (1920-е гг.) // Историк и его эпоха: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2007. С. 28–30 (0,25 п.л.).

10. Библиография как канал цензуры: региональная структура цензурных органов (на примере Западной Сибири. 1920–1921 гг.) // Динамика систем, механизмов и машин. Секция 13. Социальные системы: детерминация и взаимодействие: материалы VI междунар. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007. Кн. IV. С. 343–346 (0,22 п.л.).

11. Историческая библиография в интеллектуальном пространстве сибирского города (1920-е гг.) // Культура и интеллигенция России: инновационные практики, образы города. Юбилейные события. Историческая память горожан: материалы VII Всерос. науч. конф. Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. С. 41–43 (0,19 п.л.).

12. Историческая библиография: её исследовательский потенциал и роль в конструировании образа советской исторической науки (1920-е гг.) // Книга и мировая культура: материалы V междунар. науч.-практ. конф. Омск: Вариант, 2010. С. 194–199 (0,32 п.л.).

Подписано в печать 19.10.2010. Формат бумаги 60х84 1/16.

Уч.-изд. л. 1,5. Печ. л. 1,75. Тираж 130 экз. Заказ 437.

Издательство ОмГУ

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

Отпечатано на полиграфической базе ОмГУ

644077, Омск-77, пр. Мира, 55а

102